Белая кошка

Автор:
Холли Блэк

Белая кошка

Холли Блэк

Проклятые #1

Жизнь у Касселя Шарпа не подарок. Семья – сплошь мошенники и проходимцы. В школе его тоже сторонятся из-за странностей характера. А еще он каждый день живет с липким чувством вины за поступок, который совершил много лет назад.

Но внезапно все меняется. В его сон вторгается белая кошка, люди вокруг волшебным образом теряют память, и Кассель вновь задается вопросом, что на самом деле случилось с его подругой. Попытки выяснить правду приводят к страшным открытиям. Но Кассель не планирует сдаваться. Его план прост: обмануть обманщика.

Холли Блэк

Белая кошка

Посвящается всем вымышленным кошкам, которых я убила в других книгах

Holly Black

White Cat (The Curse Workers, Book 1)

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Иллюстрация Juliet BxRomance

@bxromance

Copyright © 2010 by Holly Black

© Д. Кальницкая, перевод на русский язык

© Иллюстрация, Juliet BxRomance

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава первая

Я открываю глаза. Черепица холодит босые ноги. Опускаю взгляд – и тут же начинает кружиться голова. Судорожно вдыхаю холодный воздух.

В небе мерцают звезды, а внизу, посреди квадратного дворика, возвышается бронзовый памятник полковнику Веллингфорду. До меня постепенно доходит, где я, – на крыше общежития Смит-Холл. Как я сюда попал? По лестнице поднялся? Как вообще сюда попадают? Ничего не помню… Паршиво, ведь надо

как-то спускаться, и хорошо бы не убиться по пути.

Меня трясет. Усилием воли заставляю себя успокоиться, дышу медленнее. В абсолютной ночной тишине кажется, что моя возня и даже каждый вздох порождают эхо. Над головой темнеют ветви деревьев. От шороха листьев я вздрагиваю и вдруг на чем-то поскальзываюсь. Оказывается, здесь растет мох.

Пытаюсь удержать равновесие, но ноги не слушаются. Взмахнув руками, падаю на холодную черепицу. В ладонь вонзается острый край медного водостока, но боли почти нет. Быстро нашариваю ногами опору – небольшой пластиковый треугольник, такие ставят на крышах, чтобы снег не падал людям на головы большими сугробами. Вроде не сползаю. От облегчения хочется рассмеяться. Но наверх точно не залезть – слишком уж сильно меня трясет, да и пальцы на холоде онемели. От прилива адреналина гудит в голове.

– Помогите, – чуть слышно шепчу я, и тут же в горле начинает клокотать истерический смех. Прикусываю щеку, чтобы его подавить. Нет, никаких криков о помощи! Нельзя никого звать, иначе напрасны все мои попытки казаться нормальным, а я ведь так усердно над этим работал. Только дети ходят во сне, а для всех остальных слишком уж это нелепо, слишком странно.

В темноте плохо видно, но здесь точно должны быть еще такие штуки для снега, хотя на мой вес они явно не рассчитаны. Решаю подобраться к ближайшему окну и попробовать в него влезть.

Медленно нашариваю ногой ближайший пластиковый треугольничек, тянусь к нему, извиваясь, словно червяк. Неровная, местами сколотая черепица царапает голый живот. Первая зацепка, еще одна – чуть ниже, потом вбок, и я у края. Вот и все, лезть больше некуда – окна слишком далеко. Тяжело дышу. Ладно, будет стыдно, конечно, но от стыда еще никто не умирал.

Пару раз глубоко вдохнув ледяной воздух, кричу:

– Эй! Эгей! Помогите!

Мой голос уносится в ночь. Где-то вдалеке на шоссе приглушенно гудят машины. В общежитии, кажется, меня никто не слышит.

– ЭГЕЙ! – теперь я уже ору что есть мочи. Даже в горле запершило. – Помогите!

Где-то внизу загорается свет, слышно, как открывается окно, и заспанный голос спрашивает:

– Кто здесь?

На мгновение голос кажется знакомым, похожим на голос одной девчонки. Мертвой девчонки.

Свешиваю голову вниз и выдаю самую смущенную свою улыбку. Только бы не испугать.

– Я тут, на крыше.

– Боже мой! – все же пугается Жюстина Мур.

В окне рядом с ней появляется Уиллоу Дэвис:

– Сейчас позову коменданта.

Прижавшись щекой к холодному шиферу, пытаюсь успокоиться. Все будет хорошо, на мне нет проклятия. Еще чуть-чуть продержаться, и порядок.

Из общежития выбегают ученики. Внизу собирается целая толпа.

– Прыгай! Ну же! – кричит какой-то придурок.

– Мистер Шарп? – это уже Уортон. – Немедленно спускайтесь, мистер Шарп!

Седые волосы торчат в разные стороны, словно его током шарахнуло. Халат надет наизнанку, пояс волочится по земле. Редкий шанс выпал всей школе – полюбоваться на белые трусы завуча. Но на мне-то вообще ничего, кроме трусов, нет. По сравнению со мной вид у него вполне приличный.

– Кассель! – кричит мисс Нойз. – Только не прыгайте! Понимаю, порой приходится туго…

И замолкает, не зная, что бы еще добавить. Задумалась, наверное, на самом ли деле мне приходится туго: на оценки никогда не жаловался, с остальными в ладах.

Я смотрю вниз. То тут, то там щелкают камеры мобильников. Девятиклассники свешиваются из окон соседнего Стронг-Хауса, старшеклассники в пижамах и халатах толпятся на газоне. Конечно, черта с два их сейчас загонишь обратно.

Ухмыляюсь во весь рот и тихо говорю сам себе:

– Сейчас вылетит птичка.

– Спускайтесь немедленно, мистер Шарп! Я вас предупреждаю! – опять кричит завуч.

– Мисс Нойз, я в порядке. Не знаю, как сюда попал. Ходил во сне, наверное.

Мне снилась белая кошка. Уселась на грудь, часто дышала, словно хотела весь воздух из легких вытянуть, а потом раз – и откусила язык. И не больно совсем, только невероятно страшно. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Мой мокрый красный язык мышью извивался у нее в зубах. Вернуть его во что бы то ни стало! Я вскочил с кровати и прыгнул на зверюгу, но не тут-то было: слишком уж шустрая и тощая. Погнался за ней. А потом очнулся на крыше.

Вдалеке завыла сирена, потом все ближе, ближе. Я уже не могу улыбаться – губы болят.

Пожарные ставят лестницу, снимают меня, выдают одеяло. Зубы так стучат, что ни на один вопрос толком ответить не получается. Как будто правда кошка язык откусила.

В кабинете завуча последний раз я был вместе с дедом, на зачислении. Помню, он пересыпал в карман мятные леденцы из хрустальной вазочки, когда Уортон отвернулся. Он все распинался, какой из меня получится превосходный ученик.

А сама вазочка между тем нашла приют в другом кармане дедушкиного пальто.

Сижу в том же самом зеленом кожаном кресле, кутаюсь в одеяло, дергаю нитки из марлевой повязки на руке. Да уж, превосходный ученик.

– Ходили во сне?

Уортон стоит у книжных полок и задумчиво водит затянутой в перчатку рукой по истертым корешкам каких-то древних энциклопедий. Он уже успел нацепить коричневый твидовый костюм, но волосы по-прежнему торчат в разные стороны.

На столе красуется новая хрустальная вазочка с леденцами. Дешевка. В голове гудит. Вот бы это были не конфеты, а аспирин.

– Я раньше ходил во сне, но это было очень давно.

С детьми такое часто случается, особенно с мальчиками – в интернете вычитал, еще в тринадцать, после того раза, когда, посиневший от холода, проснулся на дороге. Странное было чувство, будто откуда-то вернулся, но откуда – не помню.

Лучи восходящего солнца золотят деревья за окном. Мисс Норткатт, директриса, пьет кофе. Глаза у нее опухшие и красные. Она так вцепилась в кружку с логотипом Веллингфорда, что кожа на перчатках натянулась.

– У вас, кажется, были проблемы с девушкой.

– Нет, вовсе нет.

После зимних каникул Одри меня бросила из-за моего поганого характера. А какие, спрашивается, могут быть проблемы с девушкой, если и девушки-то нет.

Директриса прокашливается:

– Поговаривают, вы принимаете ставки. Может, проблема в этом? Задолжали кому-то?

Опускаю глаза и пытаюсь сдержать улыбку. Да-да, у меня маленькая криминальная империя: всего лишь подделка документов и букмекерство, ничего больше. Я даже братцу Филипу отказал, когда тот предложил по-тихому снабжать учеников спиртным. А директрисе вроде плевать на наши развлечения. Слава богу, она не знает, что самые популярные ставки у нас на учителей – кто с кем спит. Она и Уортон, к примеру, – пара, на которую мои клиенты денег не жалеют. Хотя что между этими двумя может быть? Я качаю головой.

– Возможно, перепады настроения? – это уже завуч.

– Нет.

– Потеря аппетита? Бессонница?

Он что, справочник цитирует?

– Да, со сном у меня явно проблемы.

– Что вы имеете в виду? – директриса тут же напряглась.

– Да ничего! Я во сне ходил, понимаете? И прыгать не собирался. Если бы хотел покончить с собой – не полез на крышу, выбрал бы местечко повеселее. Да даже если с крыши – уж точно штаны бы не забыл надеть.

Мисс Норткатт возвращается к своему кофе. Кажется, пронесло.

– Наш юрист говорит, что пока доктор не даст заключение о вашем состоянии, в общежитии вам оставаться нельзя. Мы должны быть уверены, что подобное впредь не повторится. Страховка такого не покроет.

Ошарашенно молчу. Нет, я понимал, что разговор будет не из приятных – ну, отчитают, может быть, даже вкатают пару дисциплинарных, но не думал, что будут какие-то серьезные последствия.

– Но я же ничего плохого не делал.

Полнейшая, конечно, глупость. Неприятности не потому случаются, что ты их заслужил. Да и, честно говоря, грехов на моей совести немало.

– Мы связались с Филипом, он вас заберет, – подводит черту завуч и переглядывается с директрисой. Его рука непроизвольно тянется к шее – там на разноцветном шнурке наверняка висит амулет, хоть под рубашкой и не видно.

Ну понятно: думают, мастер надо мной поработал. Ведь почти ни для кого не секрет, что в свое время дедуля работал на семью Захаровых. У него вместо половины пальцев маленькие черные культи – мастер смерти, сразу видно. И про маму в газетах писали. Неудивительно, что Уортон и Норткатт готовы любые мои выкрутасы списать на проклятие. Я поднимаюсь:

– Не можете же вы меня отчислить за хождение во сне. Это наверняка противозаконно. Это дискриминация по…

И тут я замолкаю, а желудок на мгновение скручивает от нестерпимого холодного ужаса. Вдруг меня и вправду прокляли? Касался ли меня кто-нибудь? Нет, голыми руками никто, только в перчатках. А если незаметно?

– Мы пока ничего окончательно не решили.

Директриса роется в бумагах на столе, завуч наливает кофе.

– Я могу хотя бы посещать занятия?

Не хотелось бы, конечно, ночевать одному в пустом родительском доме, а тем более – вламываться к кому-нибудь из братцев, но что поделать. Все что угодно, лишь бы жизнь моя шла как идет.

– Отправляйтесь в комнату и соберите вещи. Будем считать, что вы на больничном.

– Но только пока я не предоставлю медицинское заключение?

Молчат. Потоптавшись возле кресла и так и не дождавшись ответа, я выхожу в коридор.

Можете мне особо не сочувствовать, потому что на самом деле я убийца – в четырнадцать лет убил одну девчонку. Лила была моим лучшим другом, я ее любил и убил все равно. Мало что помню, все как в тумане. Когда Филип и Баррон нашли меня, я стоял над телом и криво улыбался, руки по локоть в крови. Отчетливо помню лишь, как смотрел на Лилу и радовался, будто мне что-то удачно сошло с рук. И еще голова кружилась.

Об этом никто не знает, кроме моей семьи. Ну и меня, конечно же.

Но таким я быть не хочу. Поэтому в Веллингфорде прикидываюсь и вру изо всех сил, а постоянно притворяться очень трудно. Никогда, к примеру, я не слушаю музыку, которая мне нравится, только ту, которая должна нравиться. И девушку бывшую пытался убедить, что я – вовсе не я, а тот, кем она меня хочет видеть. В компаниях я обычно держусь особняком и вычисляю, как бы всех половчее рассмешить. Только это у меня и выходит хорошо – врать и прикидываться.

Говорю же, грехов на моей совести немало.

Шлепаю босыми ногами обратно к общежитию через залитый солнцем двор, все еще кутаясь в колючее одеяло. При моем появлении сосед по комнате удивленно вздрагивает. Он как раз галстук завязывал. Рубашка вся мятая.

– Я в порядке, если тебе вдруг интересно, – бросаю устало.

Сэм помешан на научной фантастике и ужастиках, поэтому вся комната у нас увешана мрачными плакатами и резиновыми масками лупоглазых пришельцев. Родители надеются запихнуть сына в Массачусетский технологический институт, а потом пристроить в какую-нибудь фармацевтическую контору покруче. Сэму такая перспектива не очень нравится, но они об этом и не подозревают. Даром что он здоровый как медведь и только про кровищу и болтает – отстаивать свою точку зрения не умеет совсем. Мы вроде как друзья. Во всяком случае, мне приятно так думать. Компании у нас разные, и «дружить» поэтому легче.

– На самом деле я… Да какая разница. Умирать пока не планирую.

Сэм с улыбкой натягивает форменные веллингфордовские перчатки.

– Хорошо, что ты голым не спишь.

Фыркнув, падаю на койку. Жалобно скрипят пружины. На подушке свеженький конверт с шифром: это какой-то девятиклассник ставит пятьдесят баксов на победу Виктории Кварони в конкурсе талантов. Шансы ничтожные. Кстати, пока меня нет, кто будет вести дела и выплачивать выигрыши?

– Ты точно в порядке? – интересуется Сэм, легонько пиная ножку кровати.

Киваю. Надо бы рассказать о своем отъезде. Счастливчик, скоро вся комната будет в его распоряжении. Но что-то пока не хочется окончательно расставаться с призрачными остатками нормальности.

– Устал просто.

Нацепив рюкзак, Сэм хватается за ручку двери.

– Пока, шизик.

Машу в ответ перевязанной рукой, и тут меня осеняет.

– Эй, постой-ка.

Сэм оборачивается.

– Я тут подумал… Если придется уехать, ставки принимать сможешь?

Не надо бы его просить. Мало того что пришлось признаться, что практически отчислили, так еще буду в долгу. Но уж очень хорошо у меня тут все устроено, бросать – не дело.

Сэм задумался.

– Да ладно, забудь. Считай, что ничего…

– А мне доля полагается?

– Двадцать пять процентов. Ровно четверть. Но тогда будешь не только деньги собирать.

– Пойдет, – он медленно кивает.

– Ну и чу2дно, в тебе я уверен на все сто.

– Лестью ты чего хочешь добьешься. Только с крыши она слезть не поможет.

– Ну-ну.

Со вздохом сползаю с кровати и достаю из комода чистые форменные брюки. Черная ткань ужасно колется.

– А чего это ты вдруг уезжаешь? Не отчисляют ведь?

Отворачиваюсь, натягивая штаны, но голос подделать трудно:

– Нет. Вообще-то, не знаю. Давай-ка расскажу, что делать.

– Ну и?

– Возьми записную книжку. Там имена, цифры – короче, все. Заноси туда ставки.

Влезаю на стул, чтобы добраться до верхней полки шкафа. Там наверху, за дверцей, прилеплен скотчем блокнот. Отдираю. А вот и еще один, с десятого класса. Тогда мои дела как раз пошли в гору, пришлось начать все записывать. А раньше работал по памяти. Отличная у меня память на самом деле, хоть и не фотографическая.

– Вот.

– Пожалуй, справлюсь.

Сэм ухмыляется. Он явно удивлен тем, что у меня тут тайник. Потом листает записную книжку. Там все ставки с начала одиннадцатого класса, все расчеты. Что будет с мышью из Стэнтон-Холла: зашибет ее колотушкой Кевин Браун, или сработает мышеловка профессора Мильтона, или ее поймает Чайават Тервейл (гуманно, на листик салата). Ставят все больше на колотушку. Кто получит главную роль в «Пиппине»: Аманда, Шэрон или Кортни, не перехватит ли роль новенькая из массовки. В итоге победила Кортни, они до сих пор репетируют. Сколько раз в неделю нас будут пичкать в столовой «ореховым печеньем» без орехов.

Настоящие букмекеры, чтобы заработать, сразу вычитают свой процент из суммы ставки. Ну, к примеру, кто-нибудь ставит пять долларов, а из них пятьдесят центов уже идут букмекеру. Поэтому ему все равно, кто выиграл, лишь бы расчеты сходились и неудачных ставок хватало на выплаты победителям. Я не всегда так работаю. В Веллингфорде вечно ставят на всякую ерунду, иногда совершенно невозможную, – денег-то у учеников куры не клюют. Так что я временами работаю по всем правилам, как в конторе, а временами ничего не высчитываю и просто надеюсь прикарманить денежки. Пожалуй, я тоже в своем роде азартный игрок. Ну да, так оно и есть.

– И не забудь, только наличные. Никаких кредиток или часов.

Сэм закатывает глаза.

– Они что думают, у тебя тут касса с терминалом для банковских карт?

– Да нет, обычно просят взять карточку и купить что-нибудь в счет долга. Не бери. Получится, ты ее украл. А им того и надо – родителям мозги запудрить.

Сэм медлит, но в конце концов соглашается.

– Ну и лады. На столе новый конверт. Не забудь все записать.

Я к нему излишне цепляюсь, но нельзя же прямо сказать, что мне позарез нужны деньги. В Веллингфорде беднякам не место. Я тут единственный

одиннадцатиклассник без машины, например.

Забираю блокнот, лезу обратно на стул, чтоб приклеить его на место, и тут раздается громкий стук, от которого я чуть не падаю. Дверь распахивается, входит наш комендант Валерио. И замирает как вкопанный, словно я в петлю лезу у него на глазах. Спрыгиваю со стула.

– Я тут как раз…

– Спасибо, что сумку достал, – приходит на помощь Сэм.

– Сэмюэль Ю, для завтрака поздновато, а вот занятия уже начались.

– Ставлю пять баксов – вы правы, – выпаливает сосед и по-идиотски мне ухмыляется.

При желании я мог бы легко обвести его вокруг пальца. Вот именно так – попросил бы о помощи, предложил долю и обобрал как липку. Мог бы, но не буду. Нет, правда не буду.

Дверь за Сэмом захлопывается, Валерио поворачивается ко мне:

– Ваш брат сможет подъехать только завтра утром. Так что отправляйтесь пока на уроки. А где вы сегодня будете ночевать, мы еще не решили.

– Можете к кровати меня привязать.

Ему, судя по всему, совсем не смешно.

Еще в детстве мама рассказала мне про проклятия и мастеров и научила мошенничать. Она сама мастер, поэтому легко всего добивается, а мошенничает, чтобы это сошло ей с рук. Я не умею, как она, заставить полюбить или возненавидеть, или, как Филип, обратить силу удара против нападающего, или, как Баррон, забрать чью-то удачу. А вот обманывать я научился отлично.

С проклятиями не сложилось, зато обдурю хоть кого. Простачка, которого я наметил в жертву, нужно хорошо изучить (тоже мамина наука), знать его лучше, чем он сам себя знает. Только так и можно кого-нибудь нагреть, с магией или без.

Сначала втираешься в доверие, очаровываешь. Жертва должна считать себя намного умнее. А потом предлагаешь ставку. Еще лучше, если предложит твой партнер. Но простачок сперва обязательно что-то получает. Мы это называем «приманка». Деньги уже есть, можно в любой момент развернуться и уйти, и он расслабляется. Тогда ставки повышаются. Сильно повышаются. У мамы всегда выходит гладко – мастер эмоций кого угодно заставит себе доверять. Но и ей нужно тщательно следовать схеме, чтобы позже, по зрелом размышлении, ее не вычислили. В конце срываешь куш и делаешь ноги.

Хороший мошенник должен быть умнее всех, не упустить ни одной мелочи и твердо верить, что все сойдет с рук. Только тогда он и вправду хороший мошенник.

Обманывать людей при каждом удобном случае, конечно же, плохо. Увы, я не всегда могу сдержаться. Зато, в отличие от мамочки, хотя бы самому себе не вру.

Глава вторая

Второпях натягиваю форму и бегу со всех ног на французский. Завтрак уже давно кончился. Достаю и раскладываю учебники, пока Сэди Флорес, ведущая школьного канала, сквозь помехи на старом телике рассказывает, что клуб латинского языка продает печенье (копят деньги на постройку грота в парке), а регбисты соберутся сегодня в спортзале.

С трудом высиживаю уроки, на истории не выдерживаю и засыпаю. Пробуждение наступает внезапно. Весь рукав в слюне, а мистер Льюис ехидно интересуется:

– Мистер Шарп, когда именно запрет вступил в силу?

– В тысяча девятьсот двадцать девятом. Через девять лет после принятия сухого закона. Как раз перед финансовым обвалом, – мямлю я спросонья.

– Очень хорошо, – но моему ответу он явно не рад. – Сухой закон потом отменили, а запрет нет. Почему?

Вытираю рот. Голова раскалывается пуще прежнего.

– Потому что на черном рынке мастера все еще предлагают свои услуги?

В классе раздаются смешки, но мистер Льюис по-прежнему серьезен. Он показывает на исписанную мелом доску. Что-то там про экономические стимулы и торговое соглашение с Евросоюзом.

– Вы, мистер Шарп, во сне чем только не занимаетесь, но на моих уроках все-таки лучше не спать.

Его шутке смеются громче. Чтобы не заснуть до звонка, приходится время от времени тыкать себя ручкой.

Возвращаюсь в общежитие и падаю на кровать. Просыпаю час, отведенный на консультацию с учителями по проблемным предметам, физкультуру, встречу дискуссионного клуба. Нормальный ритм жизни сбился. Прихожу в себя только к ужину. Как бы теперь вернуться к привычному режиму?

Так я и представлял себе Веллингфорд, когда читал брошюру о школе, которую притащил Баррон. Газоны не такие зеленые, конечно, и кампус поменьше, зато библиотека впечатляющая и на ужин все являются в костюмах. В эту частную школу попадают по двум причинам: чтобы потом поступить в престижный университет либо потому что из бесплатной средней школы выгнали, и родителям пришлось раскошелиться, чтобы чадо не загремело в заведение для трудных подростков.

Веллингфорд пониже рангом, чем, к примеру, школа Чоут или академия Дирфилд в Массачусетсе, но меня взяли, даже несмотря на связь с семьей Захаровых. Баррон сказал, в школе у меня будет нормальная, упорядоченная жизнь, не как в нашей сумасшедшей семейке. И я очень старался. Здесь всем плевать, что я не мастер, наоборот, хоть где-то отсутствие способностей пригодилось. А я все равно лезу в неприятности, что за напасть! Ставки принимаю, когда нужны деньги, мухлюю.

Столовая обшита деревом, потолки сводчатые, поэтому тут всегда эхо. Стены увешаны портретами директоров. И основатель школы, конечно, тоже здесь, скалится на меня из своей позолоченной рамы. Полковник Веллингфорд погиб от проклятия как раз за год до принятия запрета.

Шагаю по истертым мраморным плитам на кухню. Голоса сливаются в неясный гул, от которого звенит в ушах. Хмурюсь. В перчатках потеют руки.

По привычке ищу взглядом Одри. Ее нет, а от привычки необходимо избавляться. На бывшую девушку нельзя обращать внимания. Причем ровно настолько, чтобы казаться безразличным, тут главное – не перегнуть палку. Переусердствуешь – она тут же обо всем догадается. Тем более сегодня, когда я совсем не в себе.

– Поздновато ты, ужин закончился, – кухарка на меня и не смотрит, вытирает стойку рукой в резиновой перчатке. Лет ей, наверное, не меньше, чем дедуле. Из-под колпака выбилась завитая прядь.

– Знаю, извините.

– Еду уже унесли. Все остыло, – она поднимает глаза.

– А я люблю холодное, – выдавливаю свою лучшую идиотскую улыбочку.

Женщина качает головой.

– Хорошо, когда аппетит есть, а то тощие такие. В журналах пишут, вы себя голодом морите, как девчонки.

– Ну, это не про меня.

В животе урчит, и она смеется.

– Ладно уж, иди садись, принесу тебе тарелку. И печенье возьми.

Теперь я в ее глазах бедный голодный мальчик.

Еда в Веллингфорде нормальная, не как в обычных школах. Печенье достаточно сладкое, и имбиря хватает. Спагетти чуть теплые, конечно, зато с мясом и томатным соусом. Подбираю с тарелки остатки кусочком хлеба, и тут к столу подходит Даника Вассерман.

– Можно присесть?

Смотрю на настенные часы.

– Скоро уже занятия.

Растрепанные темно-русые кудряшки забраны под деревянный обруч. На боку болтается холщовая сумка, пестрящая значками: «ЕМ ТОЛЬКО ТОФУ», «ДОЛОЙ ВТОРУЮ ПОПРАВКУ» и «У МАСТЕРОВ ТОЖЕ ЕСТЬ ПРАВА».

– Ты на дискуссионный клуб не пришел.

– Ну да.

Данику я избегаю с самого появления в Веллингфорде. Хамлю ей постоянно, хотя мне это совсем не нравится. А она еще и с Сэмом дружит, так что бегать от нее вдвойне сложно.

– Мама хочет с тобой поговорить. Утверждает, что ты на крышу неспроста полез – просил о помощи.

– Ну да, именно поэтому и кричал: «Помогите!» Развлекаюсь-то я обычно по-другому.

Даника раздраженно фыркает. Вассерманы – сооснователи правозащитной организации, которая пытается сделать работу мастеров снова легальной, ужесточив наказания за серьезные проклятия. По телевизору как-то показывали ее мамашу: сидя в своем кабинете (Принстон, кирпичный домик, цветущий садик и все такое прочее), она рассказывала, что, даже несмотря на запрет, на свадьбы и крещения всегда зовут мастера удачи. Говорила, что магия может быть полезной, а из-за запрета на легальное использование способностей появляются криминальные сообщества. Призналась, что сама мастер. Ничего такую речь толкнула. Очень опасную речь.

– Мама все время общается с мастерами. Занимается проблемами, с которыми сталкиваются их дети.

– Да знаю, знаю. Послушай, Даника, я и в прошлом году в ваш клуб «Сглаз» не вступил, и сейчас впутываться не хочу. Я не мастер, и мне плевать, мастер ли ты. Хочешь кого-нибудь завербовать или спасти – поищи в другом месте. С твоей матерью я тоже встречаться не собираюсь.

Она не уходит.

– Я не мастер, совсем нет. Просто хочу…

– Да какая разница? Сказал же, мне плевать.

– Плевать, что в Южной Корее на мастеров охотятся, будто на животных, и расстреливают? Что здесь, в Штатах, законодательно их фактически вынуждают работать на преступные синдикаты? Тебе на все это плевать?

– Да, плевать.

В дверях столовой появляется Валерио. Даника поспешно удаляется. Конечно, зачем рисковать – еще выговор вкатают за прогул. По пути она оборачивается и смотрит на меня разочарованно и одновременно озабоченно. Гадко получилось.

Запихиваю в рот последний кусок и встаю.

– Мои поздравления, мистер Шарп, сегодня вы спите в своей комнате.

Киваю, жуя. Может, все-таки оставят в школе, если эта ночь пройдет спокойно?

– Учтите, пес завуча сторожит в коридоре. Решите прогуляться среди ночи – поднимет лай. Так что не высовывайтесь подобру-поздорову, в туалет в том числе. Понятно?

Я сглатываю.

– Да, сэр.

– Идите к себе и делайте уроки.

– Конечно. Уже иду. Спасибо, сэр.

Обычно я всегда возвращаюсь из столовой в компании, а сейчас иду в общежитие один. На деревьях набухли почки, на фоне закатного неба иногда проносятся летучие мыши, пахнет свежескошенной травой и дымом. Где-то жгут гнилые листья, оставшиеся с зимы.

Сэм склонился над столом и выводит какие-то каракули в тетради по физике, кажется. Наушники нацепил, сидит своей медвежьей спиной к двери и даже не оборачивается, когда я шлепаюсь на кровать. Обычно нам домашки задают часа на три, а на самостоятельную работу выделяют только два, так что, если не хочешь вечером оказаться в пролете, приходится усиленно зубрить. Вряд ли Сэму задали по физике нарисовать большеглазую зомби-девицу, которая откусывает голову Джеймсу Пейджу, одному подонку из двенадцатого класса. А было бы здорово, я бы такого физика зауважал.

Достаю из рюкзака учебники и принимаюсь за тригонометрию. Карандаш бессмысленно скользит по бумаге, ничего путного из урока не помню. Лучше почитаю мифологию – что-нибудь про Олимп и очередные перипетии в их сумасшедшей древнегреческой семейке. Гера дурит мозги беременной подружке мужа, Семеле, и та уговаривает Зевса явиться ей во всей красе. Тот, конечно, знает, что этим убьет девчушку, но соглашается. Показывает дурочке небо в алмазах, а потом вырезает из обуглившегося тела младенца Диониса и зашивает в собственное бедро. Неудивительно, что тот потом всю жизнь пил не просыхая. Дочитываю до момента, когда маленького Диониса переодевают в девочку (чтобы от Геры уберечь, ага), и тут раздается стук в дверь.

– Что такое? – Сэм вынимает наушник и разворачивается на стуле.

В дверь просовывается Кайл.

– Тебя к телефону, – это он мне.

Наверное, пока не появились мобильники, студентам приходилось вечно откладывать четвертаки, чтобы звонить домой с телефона-автомата. Такие агрегаты висят в общежитиях на каждом этаже, их не снимают, несмотря на эпизодические ночные звонки разных психопатов. Иногда это старье оказывается полезным. В основном звонят родители, когда чадо на эсэмэски не отвечает, потому что мобильный разрядился. Или вот моя мама из тюрьмы.

Знакомая тяжесть черной телефонной трубки.

– Алло.

– Я просто тебя не узнаю! Ты в этой школе повредился умом. Зачем на крышу полез?

Вообще-то, маме не положено звонить из тюрьмы на телефон-автомат. Но она как-то ухитряется. Сначала звонит невестке, а Мора перенаправляет вызов мне или кому-нибудь еще – адвокату, Филипу, Баррону. А потом оплачивает счет. Разумеется, можно пользоваться сотовой связью, но мама твердо верит, что все разговоры по мобильнику прослушивает некая злобная правительственная организация, поэтому всегда использует телефон-автомат.

– Да все в порядке. Спасибо, что звонишь.

Снова вспоминаю, что утром приедет Филип. Вот бы он не явился и все спустили на тормозах. Да, мечтать не вредно.

– Спасибо, что звоню? Я твоя мать, я должна быть рядом! Как несправедливо, что приходится торчать здесь. Ты бы не разгуливал по крышам, если бы жил дома, с матерью. Я предупреждала судью, что так и будет, если меня запрут. Ну, не прямо так, конечно. Но все равно предупреждала.

Поговорить мама любит. Чаще всего я просто мычу ей в ответ, ни слова вставить не удается. Сейчас все наши разговоры такие. Она ведь далеко, не дотронется, не заставит плакать от отчаяния, только и может, что говорить. Магия эмоций – очень сильная магия.

– Послушай, езжай домой с Филипом. Наконец-то будешь среди своих, в безопасности.

Среди своих… Среди мастеров. Но я-то не мастер. Единственный в семье.

Стараюсь говорить тише:

– Мне грозит опасность?

– Конечно же нет. Не мели чушь. Я такое письмо чудесное получила от того графа. Он хочет отправиться со мной в круиз, когда выйду. Как думаешь? Поехали с нами, скажу, что ты мой помощник.

Улыбаюсь. От матери иногда мороз по коже, она искусно манипулирует людьми, но меня все равно любит.

– Ладно, мам.

– Правда? Милый, как замечательно! Такая несправедливость с этой тюрьмой. Как они могли отнять меня у детей, я ведь им сейчас нужна как никогда. Недавно говорила с адвокатами – они обещали все исправить. Написал бы письмо, вдруг поможет.

Не буду я ничего писать.

– Пора, мам. Сейчас время для самостоятельных занятий, мне не полагается по телефону болтать.

– Хочешь, поговорю с вашим комендантом? Как его зовут? Валери?

– Валерио.

– Только дай ему трубку. Я все объясню. Уверена, он поймет.

– Мне правда пора. Уроков задали кучу.

Она смеется. Могу поклясться, что слышу, как на том конце провода щелкает зажигалка, как мама глубоко затягивается, как тлеет сигарета.

– Да что с тобой? Со школой же покончено.

– Будет покончено, если не сделаю уроки.

– Милый, ты всегда все воспринимаешь слишком серьезно. В этом твоя проблема. Мой самый младшенький…

Прямо вижу, как она прислонилась к стене тюремного коридора и разглагольствует, размахивая руками.

– Пока, мам.

– Держись братьев. С ними ты в безопасности.

– Пока, мам, – повторяю я и кладу трубку. На сердце какая-то тяжесть.

Так и стою у телефона, пока не заканчивается время для подготовки домашних заданий и из комнат не выбегают ученики.

На полосатом диване устроились два одиннадцатиклассника-футболиста, Рауль Петак и Джереми Флетчер-Фиске, машут мне. Киваю в ответ и иду к автомату за большим стаканом кофе с шоколадом. Вообще-то, автоматы здесь для учителей, но мы постоянно пьем кофе, и всем плевать.

Сажусь на диван, Джереми корчит рожу:

– Гигишники наслали порчу?

– Да нет, мамочка твоя, – отвечаю я беззлобно. ГГ – это сокращение, какой-то длинный медицинский термин, который значит просто-напросто «мастер». Отсюда и гигишники.

– Ой, ладно тебе. Есть предложение. Сведи меня с кем-нибудь: надо поработать над девчонкой, хочу затащить ее в постель после выпускного. Я заплачу.

– Не знаю никого.

– Врешь. – Джереми смотрит на меня пренебрежительно, словно удивляется, что еще приходится эдакое ничтожество уламывать. Когда Флетчер-Фиске просит помочь, такие, как я, должны прыгать от радости. Мы же за этим только и нужны.

– Она обещала снять все амулеты – сама не прочь развлечься.

Сколько, интересно, он готов заплатить? Нет уж, все равно маловато будет, чтобы нарываться на неприятности.

– Извини, ничем не могу помочь.

Рауль достает из внутреннего кармана куртки конверт и сует мне.

– Слушайте, отстаньте! Говорю же: не могу, и все.

– Да нет. Я тут видел мышь. Уверен на все сто, она бежала к мышеловке – ну той, с клеем. Пятьдесят баксов на клей. Сегодня попадется.

Рауль ухмыляется и чиркает пальцем по горлу. Джереми недоволен. Думал еще меня потрясти, но разговор уже ушел в другую сторону.

Запихиваю конверт в карман. Надо бы реагировать спокойнее.

– Надеюсь, нет. Очень уж полезная для бизнеса мышь. Пусть еще побегает.

Вечером напомню Сэму записать эту ставку. Пусть тренируется.

– Ага, тебе лишь бы денежки наши прикарманить, – улыбается Рауль.

Пожимаю плечами. А что тут скажешь?

– Спорим, отгрызет себе лапку и слиняет. Она настоящий боец, – встревает Джереми.

– Так и поставь, – откликается Рауль. – Ну что?

– Денег не взял.

И Джереми нарочито клоунским жестом выворачивает карманы брюк.

– А я одолжу, – смеется его приятель.

Кофе слишком горячий, обжигает мне рот. Как же противно с этими двумя разговаривать.

– Если будешь ставить – Сэм примет.

Футболисты замолкают и пялятся на моего соседа. Тот сидит неподалеку и что-то вычерчивает на миллиметровке. За тем же столом Джилл Пирсон-Уайт кидает игральные кости и торжествующе воздевает кулак.

– И ты ему наши деньги доверишь? – интересуется Рауль.

– Вы доверяете мне, а я доверяю ему.

– Доверяем? Прошлой ночью ты тут просто какой-то «Полет над гнездом кукушки» устроил. – Девчонка Джереми изучает драматургию, вот он и нахватался названий фильмов. – А теперь уезжаешь?

Как же я устал! Поспал днем и кофе выпил, но все без толку. Еще и объясняй всем подряд про хождение во сне. И никто не верит.

– Это мое личное дело, – бурчу я, а потом дотрагиваюсь до торчащего из кармана конверта, – а вот это профессиональное.

Лежу и пялюсь в потолок. Надеюсь, кофе поможет. Если и сегодня буду ходить во сне – выкинут из школы насовсем, поэтому спать нельзя ни в коем случае. Слышно, как в коридоре возится собака, царапает когтями по паркету, устраивается поудобнее и ложится под дверью.

Интересно, как дела у Филипа? Он мне ни разу в глаза не посмотрел с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Не то что Баррон. И с сыном своим никогда не разрешал играть. А теперь придется торчать в его доме, пока не вернусь в Веллингфорд.

– Эй, – Сэм тоже не спит, – на тебя смотреть страшно. Лежишь и таращишься в потолок, как мертвый. Не моргаешь даже.

– Моргаю. Просто не хочу засыпать, – стараюсь говорить тихо.

Сэм, шурша простыней, переворачивается набок.

– А чего так? Боишься, что…

– Ага.

– Ясно.

Хорошо, что выражение лица в темноте не разглядеть.

– Представь, что ты сделал нечто ужасное, такое, что боишься смотреть в глаза тем, кто об этом знает…

Я почти шепчу. Сэм меня, может, и не слышит вовсе. Зачем я вообще начал, тем более сейчас? Никогда ни с кем об этом не говорил.

– Так ты правда хотел спрыгнуть с крыши?

Черт, да сколько можно об этом!

– Нет, не хотел, честно.

Лежит сейчас, небось, и думает, чего бы такого сказать. Кто меня тянул за язык?

– Ну хорошо, сделал я что-то ужасное. А зачем?

– А ты и сам не знаешь.

– Глупость какая-то. Как я могу не знать?

Наш разговор, наверное, похож на одну из его настолок. Вы на перекрестке. Маленькая извилистая тропинка ведет к горам, а большая – к городу. По какой отправитесь? Словно я персонаж, за которого он играет, но правила больно дурацкие.

– Не знаешь, и все тут. В том-то и дело. Не веришь, что вообще на такое способен, но сделал.

Мне правила тоже не нравятся.

Сэм усаживается на постели.

– С этого, думаю, и следует начинать. Должен быть мотив. Если не узнаешь, зачем сделал, наверняка сделаешь снова.

По-прежнему пялюсь в потолок. Почему же я так устал?

– Как сложно быть хорошим человеком, когда точно знаешь, что ты плохой.

– Иногда я совершенно не понимаю, врешь ты или нет.

– А я никогда не вру, – опять соврал я.

Всю ночь не спал, поэтому утром торможу по-страшному. Только холодный душ и спасает – после него я даже в состоянии одеться и встретить Валерио. Он вроде выдохнул: я живой и к тому же никуда из комнаты не делся. С ним Филип – дорогущие зеркальные солнечные очки подняты на лоб, темные волосы прилизаны, на запястье золотые часы, на загорелом лице белоснежная улыбка.

– Мистер Шарп, совет попечителей школы проконсультировался с юристами. Если вы хотите вернуться к занятиям, необходима справка от терапевта. Доктор должен подтвердить, что хождение во сне не повторится. Все ясно?

Я уже открыл было рот, чтобы сказать: «Да, ясно», но брат, по-прежнему улыбаясь, кладет мне на плечо руку в перчатке.

– Готов?

Отрицательно мотаю головой и киваю на комнату. Сумки не собраны, везде валяются учебники, кровать не застелена. А брат мог бы и поинтересоваться моим здоровьем. Все-таки я чуть с крыши не упал. Явно же что-то не так.

– Помочь?

Интересно, заметил ли Валерио, какой у Филипа напряженный голос. В нашей семье считают: нельзя показывать простачкам уязвимые места. А простачки – это все, кто не из нашей семьи.

– Да нет, порядок.

Достаю из шкафа холщовую сумку.

Филип поворачивается к коменданту:

– Спасибо большое, что позаботились о брате.

Валерио, похоже, дара речи лишился от удивления. «Позаботились» – не совсем точное слово, всего-то позвонили пожарным, чтобы меня сняли с крыши.

– Для нас это было…

– Самое главное, он не пострадал.

Закатываю глаза и принимаюсь запихивать в сумку грязную одежду, iPod, книги, учебники, маленькую стеклянную статуэтку кошки, флешку со всеми школьными работами. Слушать даже не буду, о чем они там треплются. Всего пара дней. Я справлюсь.

По дороге к машине Филип оборачивается ко мне:

– Что же ты ведешь себя как идиот?

Пожимаю плечами. Все-таки ему удалось меня зацепить.

– Думал, я уже это все перерос.

Брат достает брелок с ключами и снимает «мерседес» с сигнализации. На пассажирском сиденье бардак, я сметаю стаканчики из-под кофе на пол, прямо на валяющиеся там мятые и грязные дорожные карты с MapQuest.

– Ты, надеюсь, хождение во сне имеешь в виду. Потому что, перерос или не перерос, идиотом ты так и остался.

Глава третья

Гоняю по тарелке брюссельскую капусту. Напротив в детском креслице плачет маленький племянник, и Мора дает ему какую-то пластиковую штуку погрызть. У

жены Филипа синяки под глазами. Всего двадцать один, а на вид как старуха.

– Одеяла на диване в кабинете.

На столе разбросаны какие-то бумажки, шкафы заляпаны жирными пятнами. Мне хочется сказать Море, чтобы не волновалась, я сам все сделаю, у нее и так забот хватает. Но вместо этого говорю: «Спасибо». Одеяла-то уже постелены. Лучше просто поблагодарить и не связываться с Филипом. И вообще держать язык за зубами. В кухне, к примеру, жарко, почти дышать нечем, но я молчу. Прямо как на тех каникулах, когда духовку не выключали весь день – готовили индейку. Папа еще сидел за столом и курил длинные тонкие сигариллы, от них пальцы делались желтыми. Я иногда их покупаю и жгу в пепельнице, если скучаю по нему особенно сильно.

А вот сейчас я скучаю по Веллингфорду и тому отличному парню, которым так ловко прикидывался.

– Завтра приезжает дед. Хочет, чтобы ты помог ему с уборкой в старом доме. Говорит, это для мамы – она же скоро выйдет.

– Не думаю, что ей понравится. Она не любит, когда роются в ее вещах.

– Деду скажи, – вздыхает Филип.

– И я не хочу туда ехать.

Речь о большом старом доме, где мы росли. Он под самую крышу забит всякой всячиной. Родители каждое лето колесили по стране, мошенничая напропалую, и не пропускали ни одной гаражной распродажи. Мы обычно в это время жили у дедушки в Сосновых Пустошах. Когда умер отец, в доме скопилось столько хлама, что в комнатах, чтобы пройти, приходилось прокладывать туннели.

– Ну и не едь.

Может, хоть сейчас посмотрит в глаза? Но нет, уставился на воротник моей рубашки.

– Мама в состоянии о себе позаботиться. Она такая. Я вообще не уверен, что после освобождения она вернется на нашу свалку.

С самого суда Филип с мамой не в ладах. Брат – мастер физической силы, может кончиком мизинца сломать кому-нибудь ногу. Тогда мать принудила его надавить на свидетелей, и вряд ли он ее простил. К тому же отдача получилась довольно болезненной.

Вздыхаю. А куда, спрашивается, мне еще деваться, если не к деду? Сильно сомневаюсь, что Филип разрешит остаться у них.

– Скажи, что я буду на него батрачить самое большее неделю, только пока в школу обратно не возьмут.

– Сам и скажи.

Мора скрещивает на груди руки без перчаток. Так странно. Словно она голая. Мать запрещала их дома носить, говорила: в семье все должны друг другу доверять. Филип, наверное, того же мнения.

Мора – моя невестка, но не кровная родственница. Поэтому смотреть на ее голые руки очень непривычно. Я с усилием перевожу взгляд на худые ключицы.

– Пускай не заставляет тебя ехать в тот странный дом, – говорит она.

– Мы все там когда-то жили, между прочим! – Филип достает пиво из холодильника. – К тому же я и не заставляю.

Он открывает бутылку, делает большой глоток и расстегивает воротник белой рубашки. На шее у него словно ожерелье из длинных шрамов. Это его хозяин вырезал, а потом насыпал в раны золу. Символ того, что Филип как бы умер для прежней жизни. Теперь вокруг его горла словно обвился червяк. У всех криминальных мастеров, мелких сошек, такие шрамы. Как русская братва – те розы выкалывают на груди, или якудза, которые за каждый проведенный в тюрьме год зашивают в пенис по жемчужине. Шрамы у Филипа появились три года назад. Теперь все вздрагивают, когда он расстегивает рубашку.

Но я не вздрагиваю.

В тридцатые годы на Восточном Побережье власть захватили шесть семей мастеров: Нономура, Голдблюмы, Вольпы, Райсы, Бреннаны, Захаровы. Они и по сей день контролируют все – начиная с дешевых поддельных амулетов, которые в супермаркетах продают вместе с зажигалками, и предсказателей Таро из торговых центров (за двадцатку у них можно купить небольшое проклятие) и заканчивая наемными громилами и убийцами. Но их услуги немногие могут себе позволить. Да надо еще знать, кому именно платить. Моему брату, к примеру. Или дедушке, но он отошел от дел.

Мора отворачивается и мечтательно смотрит в окно на засохший газон.

– Слышите музыку? Там, на улице.

Филип предостерегающе смотрит на меня.

– Кассель не прочь пожить в старом доме. Мора, нет никакой музыки. Нет, и все тут. Слышишь?

Она убирает тарелки и тихонько мурлычет себе под нос.

– Ты в порядке?

– В порядке. Просто устала. Она очень устает, – отвечает вместо жены Филип.

– Ну, я пошел домашку делать.

Все молчат, и я отправляюсь наверх, в кабинет. Диван застелен, сбоку лежат одеяла, как и обещала Мора. Белье свежее и пахнет порошком. Сажусь в кожаное кресло и включаю компьютер. Загорается монитор. На рабочем столе в беспорядке разбросаны папки. Открываю почту. А там письмо от Одри.

Жму на ссылку так быстро, что открывается сразу два окна. «Волнуюсь за тебя». И все. Даже не подписалась.

С Одри мы познакомились в начале девятого класса. В обед она обычно сидела со стаканом кофе на бетонной ограде около парковки и читала что-нибудь из Танит Ли[1 - Британская писательница, автор романов в жанрах научная фантастика, хоррор, фэнтези.], такие старые книжки в бумажных обложках. Например, «Не кусайте солнце». Эту я тоже читал – у Лилы в свое время одалживал. И сказал тогда Одри, что «Сабелла» лучше.

– Потому что ты романтик. С парнями всегда так. Нет, правда. А девчонки – прагматики.

– Ну нет.

Уже потом, когда мы начали встречаться, мне временами казалось, что она права.

Ответ сочиняю почти двадцать минут: «Эту неделю дома. Телик буду сутками смотреть». На вид вроде вполне безобидно, хотя сочинять пришлось долго. Наконец, отсылаю с тяжелым вздохом. Глупо, как же все глупо.

Кроме обычного спама на почте куча писем со ссылками: кто-то уже выложил на YouTube видео со мной на верхушке Смит-Холла. И пара сообщений от учителей с домашними заданиями на неделю. Ну и ладно, значит, все-таки не собираются выгонять из школы, несмотря на безобразие на крыше. Надо бы вчерашнюю работу доделать, но сперва займусь другими делами. Необходимо убедить веллингфордовское начальство в моей благонадежности. Google выдает список терапевтов – специалистов по сну. Двое из них, судя по адресам, в часе езды отсюда. Распечатываю данные и сохраняю картинки с логотипами контор на флешке. Неплохо для начала. Ясное дело, ни один врач не подпишет нужную мне справку – зачем рисковать репутацией. Но можно ведь и по-другому все обстряпать.

Я в ударе. Попробуем-ка заодно натянуть нос деду! Звоню Баррону на мобильный. Тот отвечает после второго гудка запыхавшимся голосом.

– Алло.

– Занят?

– Для братца – любителя крыш найду минутку. Что с тобой случилось?

– Увидел странный сон, а потом проснулся на крыше. Ерунда полная, но теперь придется торчать у Филипа, пока до директрисы не дойдет, что я вменяемый.

Вздыхаю. В детстве мы с Барроном не ладили, а теперь из всех родственников я только с ним и могу нормально поговорить.

– Филип на тебя наезжает?

– Скажем так, если зависну здесь подольше – и правда руки на себя наложу.

– Главное, ты в порядке.

Тон у него, конечно, покровительственный, но все равно приятно.

– А можно к тебе?

Баррон изучает юриспруденцию в Принстоне. Смешно, если вдуматься, ведь он неисправимый лгун. Постоянно забывает, что именно наврал, но свято верит в свои россказни. Так что иногда и сам начинаешь сомневаться. В суде наверняка сразу начнет выдумывать какие-нибудь немыслимые байки про клиента.

– Надо соседку по комнате спросить. Она встречается с послом, все время в Нью-Йорк мотается на представительской машине. Не знаю, согласится ли.

Типичное вранье.

– Если она все время в отъезде, может, и ничего. Я найду, где голову приткнуть. На автобусной остановке переночую в крайнем случае.

Давлю как могу.

– А почему не хочешь пожить у Филипа?

– Он сдал меня деду, а тот хочет с моей помощью разгрести бардак в старом доме. Филип прямо не сказал, но ему не терпится меня сплавить.

– Глупости. Не будь параноиком.

Вот Баррона он бы охотно пригласил.

Когда мне было семь, а Филипу тринадцать, я часто представлял, что мы с ним супергерои. Брат вроде как был Бэтменом, я – Робином или еще кем-нибудь второстепенным. Мне нравилось воображать, как он меня спасает из беды. Например, старая песочница превращалась в гигантские песочные часы, и меня могло засыпать насмерть, а в дырявом детском бассейне подстерегали акулы. Я всегда звал Филипа на помощь, но в конце концов вместо него являлся десятилетний Баррон. Вот он-то с Филипом дружил. Уже тогда доделывал то, на что у брата времени не хватало. Например, со мной возился. Почти все детство я страшно завидовал Баррону и хотел очутиться на его месте, злился. А потом понял, что мне никогда им не стать.

– Может, хотя бы на пару дней?

– Ладно-ладно, – но это он несерьезно, опять увертки. – А что за странный сон? От которого ты на крышу полез?

Фыркаю.

– Кошка украла язык, хотел его вернуть.

Брат смеется.

– Ну и бардак у тебя в голове, пацан. В следующий раз пускай забирает язык насовсем.

Ненавижу это слово – «пацан», но спорить смысла нет.

Прощаюсь и ставлю трубку на зарядку. Отправляю по почте домашку.

Мора заходит в кабинет, а я как раз шарю по папкам на рабочем столе у Филипа. Куча картинок с обнаженными девицами: лежа на спине, они стягивают длинные бархатные перчатки, трогают грудь голыми руками. Изображение парня с бриллиантовой подвеской и в идиотских шароварах, видимо, случайно сюда затесалось. Скука, в общем-то, никакого криминала.

– Держи, – Мора протягивает кружку и две таблетки. Судя по запаху, это чай с мятой. Взгляд у нее блуждает. – Филип просил тебе отнести.

– А что это?

– Поможет заснуть.

Глотаю пилюли и залпом выпиваю чай.

– И чего вы не поделили? Он сам не свой, когда ты приезжаешь.

– Да ничего.

Не буду объяснять, ведь Мора мне нравится. Не рассказывать же ей, что Филипу не по себе, когда я рядом с его сыном. Из-за Лилы. Он же видел тогда мое лицо, помогал прятать тело. Я бы на его месте тоже нервничал.

Просыпаюсь среди ночи. Очень надо в туалет. Голова словно набита ватой. Шатаясь, бреду по коридору. Кажется, внизу кто-то разговаривает. Справляю нужду, собираюсь нажать на слив, но внезапно останавливаюсь.

– Ты что здесь делаешь? – это голос Филипа.

– Приехал сразу, как узнал.

Деда ни с кем не перепутаешь. Он живет в Карни, это тоже в Сосновых Пустошах. То ли там подцепил легкий акцент, то ли что-то из старых времен прорывается. Его городок – натуральное кладбище, не дома – могилы. Практически все жители – мастера, в основном старше шестидесяти. Приезжают туда умирать.

– Мы о нем позаботимся.

Я не ослышался – Баррон? А почему мне не сказал, что приедет? Они с Филипом вечно секретничают. Мама всегда говорила, это потому, что я самый младший. Но наверняка не поэтому. Я ведь не мастер – вот почему. Дедушке тоже в голову не пришло позвать меня на это семейное собрание.

Член семьи, но все равно чужой. И убийца вдобавок, а это усугубляет ситуацию. Странное дело – почему? Хоть на преступление оказался способен.

– За пацаном надо присматривать. Пускай займется чем-нибудь, – это дед.

– Отдохнуть ему надо, – отзывается Баррон. – Мы же не знаем толком, что случилось. А если у кого-то на него зуб? Если Захаров пронюхал про свою дочь? Он же до сих пор разыскивает Лилу.

От этих слов у меня волосы встают дыбом.

Фырканье. Филип? Нет, дедушка:

– И что? Вы вдвоем, парочка клоунов, будете его охранять?

– До сих пор же охраняли, – парирует Филип.

Подхожу ближе к лестнице и останавливаюсь возле перил, как раз над гостиной. Родственнички, наверное, на кухне заседают – очень уж хорошо слышно. Вот сейчас спущусь вниз и все им выскажу, пускай считаются со мной.

– Лучше бы о жене побеспокоился. Думаешь, я не вижу? И тебе не следует над ней работать.

Я уже почти опустил ногу на ступеньку, но тут останавливаюсь. «Над ней работать»?

– Мору не впутывай. Она тебе никогда не нравилась.

– Отлично. Что в твоей семье происходит – не моего ума дело. Только мне кажется, у тебя и помимо этого забот хватает. Но ты доиграешься.

– Он не хочет с тобой ехать.

Очень странно. Либо Филип злится, что дед командует, либо Баррон его уговорил меня оставить.

– А если Кассель и правда хотел спрыгнуть с крыши? Подумай, ему многое пришлось пережить, – не унимается дед.

– Да не стал бы он, – встревает Баррон. – Он в этой своей школе старается изо всех сил не высовываться. Пацану просто нужно отдохнуть.

Открывается дверь спальни, и в коридор выходит Мора. Фланелевый халат чуть распахнулся, виден край трусиков. Она сонно моргает и, кажется, совсем не удивлена, что я тут стою.

– Что-то мне послышалось снизу. Кто там?

Пожимаю плечами. Сердце колотится как бешеное, и только через мгновение до меня доходит: ничего предосудительного я не делаю.

– Тоже услышал голоса.

Такая худенькая. Вместо ключиц как будто лезвия под кожей.

– Музыка сегодня громкая. Боюсь ребенка не услышать.

– Не волнуйся. Наверное, спит как… как младенец.

Улыбаюсь, хоть шутка и не очень. В темноте Мора выглядит непривычно. У меня мурашки по коже.

Она усаживается рядом со мной на ковер, поправляет халат и свешивает ноги между балясинами. Можно легко пересчитать выпирающие под фланелью позвонки.

– Я ухожу от Филипа.

Что он сделал с женой? Мора наверняка не знает, что над ней поработал мастер. Если заклятие любовное, то со временем оно изнашивается. Правда, иногда требуется не меньше полугода. Интересно знать, не навещала ли она маму в тюрьме? Спросить или лучше не надо? Мама не имеет права снимать перчатки, но ведь можно всегда проделать маленькую дырочку и на прощание коснуться собеседника.

– Я не знал.

– Совсем скоро. Но это секрет. Никому не скажешь?

Быстро киваю.

– А почему ты не внизу с остальными?

Пожимаю плечами:

– Младших братьев редко берут в игру.

На кухне полным ходом идет совещание. Слов не разобрать. Я болтаю не затыкаясь: не хочу, чтоб Мора услышала, что они говорят про нее.

– Врать ты совсем не умеешь. Филип умеет, а ты нет.

– Да ну? – оскорбленно вскидываюсь. – Я превосходно умею врать. Кого хочешь за пояс заткну.

– Врешь, – она улыбается. – А почему тебя назвали Кассель?

Сразила наповал.

– Мама любит странные имена. Папа хотел, чтобы первенца назвали в честь него – Филип. Зато уж потом она оттянулась на мне и Барроне. А Филипа, кстати, хотела назвать Джаспером.

– Ничего себе, – закатывает глаза Мора. – А может, в честь предков? Семейные традиции?

– Черт знает. Тут все покрыто мраком. Папа был светлокожий блондин, фамилию Шарп наверняка придумал, когда документы подделывал. А насчет мамы – дедуля утверждает, что его отец был индийским махараджей и продавал калькуттские снадобья в Америку. Может, и правда. Его фамилия Сингер, возможно, произошла от индийского «сингх».

– Он как-то рассказывал, что один из ваших предков был беглым рабом.

Интересно, а про Филипа Мора что думала, когда выходила замуж? В поездах со мной иногда кто-нибудь заговаривает на непонятном языке. Как будто с такой внешностью я их должен понимать. А я никогда не понимаю и расстраиваюсь.

– Ага. Но про махараджу лучше. Есть еще байка, что мы из ирокезов.

Мора смеется, и довольно громко. Интересно, услышали нас там, внизу? Но тон голосов не меняется.

– А он был мастером? Филип не любит об этом говорить.

– Прадедушка Сингер? Не знаю.

Наверняка Мора в курсе, что дед – мастер смерти. У него же на левой руке почерневшие культи вместо пальцев. Магия вызывает отдачу. Если ты мастер смерти – колдовство убивает часть тебя. Если повезет – палец, к примеру, отсыхает, а иногда легкое или сердце. Каждое проклятие работает над мастером. Так дедушка говорит.

– А ты всегда знал, что не можешь колдовать? Мама знала с самого начала?

– Нет. Она боялась, что в детстве мы случайно над кем-нибудь поработаем. Не торопила, говорила: все придет со временем.

Вспоминаю, как мама с первого взгляда вычисляла простачка, как учила нас мошенничать, и почти скучаю по ней.

– Я обычно воображал себя мастером. Однажды мне даже показалось, что я превратил муравья в соломинку, но Баррон сказал, что нарочно меня разыграл.

– Трансформация? – Мора улыбается, но как-то отстраненно.

– Если уж мечтать, так на полную катушку – воображать себя самым талантливым и редким мастером, правильно?

Она пожимает плечами.

– Раньше я думала, что из-за меня люди падают. Каждый раз, как сестренка обдирала коленку, я была уверена – из-за меня. А когда поняла, что нет, ревела от досады.

Мора смотрит на дверь детской.

– Филип не хочет, чтобы мы проверяли сына. Мне страшно. А если он кого-то поранит случайно? Если его отдачей покалечит? Так бы хоть знали наверняка.

Филип никогда не согласится на медицинскую проверку.

– Просто перчатки с него не снимай, пока не подрастет немного, чтобы попробовать колдовать.

На занятиях по физиологии учитель говорил: если кто-то без перчаток – риск огромный, считайте, у него ножи в руках.

– Все дети развиваются по-разному. Как мне понять, когда он достаточно подрастет? Но перчатки для малышей такие милые.

Внизу дедушка что-то втолковывает Баррону на повышенных тонах:

– В былые времена нас боялись! Теперь все не так.

Зевая, я поворачиваюсь к Море. Пусть хоть всю ночь решают, куда меня деть. Я все равно свое дельце обстряпаю и вернусь в школу.

– А ты правда слышишь музыку? Какую именно?

Уставившись на ковер, Мора улыбается во весь рот.

– Как будто ангелы выкрикивают мое имя.

Волна мурашек пробегает у меня по спине от этой фразы.

Глава четвертая

В старом доме никто ничего не выбрасывал. Одежду сваливали в кучи, которые постепенно превращались в холмы, а потом в настоящие горы. Мы с братьями по ним лазили и прыгали. В коридоре сплошные завалы, в спальне тоже – родителям даже пришлось в конце концов перебраться спать в отцовский кабинет. Настоящий хаос. Повсюду пустые мешки и коробки из-под колец, кроссовок или платьев. Пачка потрепанных журналов (папа собирался читать какие-то статьи), сверху старый тромбон (мама хотела соорудить лампу), тут же разбросаны пластмассовые ножки и ручки (одной девчонке из Карни пообещали сшить куклу) и бесконечные россыпи запасных пуговиц (некоторые до сих пор в магазинных бумажных пакетиках). На кухонном столе на башне из тарелок опасно накренилась кофеварка.

Так странно сюда вернуться. Все как было при родителях. Беру со стола пятицентовик и перекатываю его между костяшками пальцев. Папа научил.

– Натуральный свинарник, – дед появляется в дверях столовой, пристегивая на ходу подтяжки.

В общежитиях моей школы всегда порядок, комнаты проверяют регулярно и за бардак могут оставить в субботу после уроков. Я столько времени там прожил, что теперь, в этом доме, к узнаванию примешивается легкая неприязнь. Пахнет плесенью и затхлостью, а еще чем-то кисловатым – наверное, застарелый запах пота. Филип бросает мою сумку на покрытый трещинами линолеум.

– Дедушка, машину не одолжишь?

– Завтра, если успеем убраться хотя бы чуть-чуть. С доктором договорился?

– Ну да, – снова вру. – Потому и нужна машина.

На самом деле мне нужно время и не нужны свидетели. В плане по возвращению в Веллингфорд действительно значится доктор, но на прием я, конечно, не записывался.

Брат снимает черные очки:

– На какой день записался?

– На завтра, – перевожу взгляд с деда на Филипа, сочиняя на ходу. – На два. К доктору Черчиллю, специалисту по сну из Принстона. Ты не против?

Во вранье всегда лучше подмешивать как можно больше правды. Я сказал им, куда поеду, но не сказал зачем.

– Жена там вам передала кое-что. Пойду принесу, пока не забыл.

Ни дед, ни брат не выказывают ни малейшего желания поехать со мной на эту липовую встречу. Слава богу! Хотя расслабляться рано.

Если старый дом разрезать пополам, можно, наверное, обнаружить нечто вроде годовых колец, как у дерева, или осадочных слоев в породе. Белая с черным шерсть (когда мне было семь, мы завели собаку), кислотные мамины джинсы, шесть заляпанных кровью наволочек (тогда я ободрал коленку). Все семейные секреты зарыты на огромной свалке. Вообще, здесь просто бардак, но иногда получается волшебство. Мама могла залезть в какой-нибудь темный угол, шкаф или сумку и достать оттуда все что угодно. Раз перед новогодней вечеринкой достала себе бриллиантовое колье и кольцо с красивым крупным топазом. Когда я слег с температурой, а читать было совсем нечего, вынула откуда-то все «Хроники Нарнии». После Льюиса нашла резные шахматы ручной работы.

Дед моет чашку и выглядывает в окно:

– Гляди, сколько кошек. Там, в сарае.

Филип аккуратно ставит на стол пакет с продуктами. Что-то у него странное с лицом.

– Бездомные?

Старик вилкой вылавливает из тостера засохший кусочек хлеба и бросает в мусорный пакет, подвешенный к дверной ручке.

Подхожу к окну. Полосатый котяра плавным текучим движением вспрыгивает на ржавую банку из-под краски. Белая кошка уселась среди сорняков, чуть подергивая кончиком хвоста.

– Как думаешь, долго они здесь ошиваются?

Дедушка качает головой.

– Наверняка чьи-то питомцы. Не похожи на бездомных.

Он фыркает.

– Покормить их, что ли? – размышляю я вслух.

– Лучше капканы поставь, – огрызается Филип, – пока не расплодились.

Он уезжает, а я все-таки иду их кормить. Ставлю на землю открытую банку тунца, но зверьки боязливо держатся на расстоянии. Зато когда я отхожу к дверям, начинается настоящая драка. За еду сражаются пять кошек – белая, две полосатые (похожи как две капли воды), пушистая черная с белым пятном на шее и маленькая палевая.

Все утро мы с мрачным видом драим кухню, надев резиновые перчатки. Выкидываем кучу ржавых вилок, дуршлаг, пару кастрюль. Под линолеумом обнаруживается целое семейство тараканов. Успеваем нескольких передавить, но большинство разбегается. После обеда звоню Сэму, но трубку снимает Йохан. Мой сосед по комнате поглощен экспериментом – проверяет, контролируют ли парни из двенадцатого «летное пространство над своим газоном». То есть держит ногу над этим газоном и ждет, пока кто-нибудь не съездит ему по морде. Ладно, потом перезвоню.

– С кем говорил? – дед вытирает лицо футболкой.

– Ни с кем.

– Вот и хорошо, работы невпроворот.

Сажусь верхом на кухонный стул и кладу подбородок на спинку.

– Думаешь, со мной что-то не так?

– Думаю, в доме надо прибраться. Лет мне уже немало, поэтому вкалывать полагается тебе. Ты же у нас не красавчик-белоручка.

Я смеюсь.

– Да, мне как раз лет мало, но я не вчера родился. Ты не ответил на мой вопрос.

– Раз такой умный, сам и скажи, что происходит.

Дед ухмыляется. Очень его забавляют словесные перепалки. Вспоминаю, как летом в Карни мальчишкой бегал у него по двору, было привольно и безопасно. Он никогда не использовал нас, чтобы обдурить простачка или припрятать краденое. Зато постоянно заставлял лужайку косить.

Лучше попробовать по-другому.

– А что происходит? Про себя не знаю, но с Морой точно что-то неладно.

– В смысле? – улыбка сходит с дедова лица.

– Сам же видел – она в ужасном состоянии, музыку какую-то слышит. Ты говорил, Филип над ней поработал.

Дед качает головой и бросает футболку на стол.

– Он не…

– Да брось. Я не слепой. Знаешь, что она мне сказала?

Старик не успевает ответить – слышен стук. Мы оборачиваемся. Одри, нахмурившись, смотрит сквозь грязное стекло. Вид у нее растерянный. Она поворачивает ручку и толкает тугую заднюю дверь.

– Как ты меня нашла?

От удивления голос делается чужим и отстраненным. Вот так бы всегда.

– Все адреса студентов есть на сайте, в личных данных.

Одри качает головой и смотрит на меня как на идиота. Я и есть идиот, причем полный.

– Ну да, извини. Заходи. Спасибо…

– Тебя отчислили?

Она положила руку на пояс, обращается ко мне, но смотрит мимо – на кипы газет, нагромождение пепельниц, ноги от манекенов, чайные пятна на столешнице.

– Временно.

Голос предательски дрожит. Вроде бы я уже привык к этому мерзкому чувству – скучать, привык, что Одри нет рядом. Но не видеть ее каждый день в классе, во дворе – от этого тоска делается совершенно нестерпимой. Внезапно мне становится плевать: черт с ним, с деланым безразличием.

– Проходи в гостиную.

– Я дедушка Касселя.

Дед протягивает левую ладонь. Несколько пальцев на резиновой перчатке болтаются. Хорошо, что черные культи не видно. Метка мастера смерти.

Одри бледнеет и прижимает к груди руку в синей перчатке. Словно только что догадалась.

– Простите. Дед, это Одри. Одри, это мой дедушка.

– Ты такая милашка. Зови меня просто Дези, – заявляет он, откидывая назад волосы, и ухмыляется. Старый шельмец.

Мы проходим мимо него в гостиную. Усаживаюсь на дырявый диван. Интересно, что она подумает? Может, спросит про дом или про деда? Мальчишкой мне нравилось приводить сюда друзей, я даже гордился. Они терялись в нашем хаосе, а я так ловко перепрыгивал через кучи одежды, через осколки и черепки. А теперь вот не знаю, как все это объяснить. Настоящее безумие.

– Держи.

Одри достает из блестящей черной сумочки кипу распечаток и бросает их мне, потом тоже плюхается на диван. Чуть влажные рыжие волосы скользят по моей

руке. Как будто она только из душа.

У Лилы волосы были светлые. Светлые волосы, красные от крови – такими я их помню.

Изо всех сил зажмуриваюсь. Не хочу ничего вспоминать, ничего видеть! Думал, Одри поможет мне стать таким, как все. Только бы она считала меня обыкновенным, только бы любила. Сумею я ее вернуть? Надолго ли? Опять ведь облажаюсь, и она меня бросит. Я все-таки не настолько хороший мошенник.

– Иногда люди ходят во сне из-за снотворного, – Одри показывает на распечатки. – Фармацевтические компании об этом обычно умалчивают. Я откопала несколько статей в библиотеке. Один даже во сне машину водил. Ты бы мог им сказать…

– Что пил таблетки от бессонницы?

Прижавшись к плечу Одри, вдыхаю ее запах. Она не отстраняется. Поцеловать ее прямо тут, на грязном диване? Нет – срабатывает инстинкт самосохранения. Трудно доверять тому, кто однажды сделал тебе больно, трудно вновь полюбить. Но ведь хочется. Иногда даже думаю: чем больнее было, тем больше хочется.

– Соври. Необязательно же правду говорить.

Объясняет, как маленькому. Мило, конечно, но и унизительно немного. А план неплохой. Сообразил бы раньше – так бы им и сказал. Может, не выгнали бы тогда.

– Я уже признался директрисе, что в детстве ходил во сне.

– Черт. Тогда мы в пролете. А то в Австралии из-за одного лекарства люди по ночам объедались до безобразия и красили двери.

Одри наклоняет голову. Из выреза на свитере выскальзывает цепочка с крошечными амулетами. Удача. Сны. Эмоции. Тело. Память. Смерть. Седьмой кулон – трансформация – цепляется за свитер.

Я представляю, как сдавливаю руками ее тонкую шею. Слава богу, сразу же делается жутко. Не люблю думать о таком, но это единственный способ проверить, убедиться, что чудовище внутри меня не рвется на свободу.

Поправляю гематитовую подвеску. Подделка, скорее всего. Мастеров трансформации днем с огнем не сыщешь, поэтому настоящие амулеты делать некому. Такой мастер рождается раз в поколение или еще реже. А остальные тоже фальшивые?

– Спасибо. Идея хорошая.

Одри прикусывает губу.

– Может, это из-за смерти отца?

– В смысле? – резко откидываюсь, и в спину упирается подлокотник. – Он в аварии погиб, среди бела дня.

– Из-за стресса иногда ходят во сне. А мама в тюрьме? Тоже причина.

Еле сдерживаюсь, чтобы не кричать.

– Папы уже три года как нет. Мама сидит почти столько же. Ты же не думаешь…

– Не злись.

Тру виски.

– Ну да, чего мне злиться! Чуть с крыши не свалился, вылетел из школы, ты считаешь меня психом. Есть отчего на стенку лезть, – делаю пару глубоких вдохов и выдаю свою самую виноватую улыбку. – Но я злюсь не на тебя.

– Вот и хорошо. На меня не надо.

Одри пихает меня в бок. Я беру ее руку в перчатке.

– Я справлюсь. И с Норткатт разберусь, и в Веллингфорд примут обратно.

Противно, что бывшая девушка сидит тут, посреди семейного бардака. И знает теперь обо мне слишком много, как будто я наизнанку вывернулся, показал нутро. Но я не хочу, чтобы Одри уходила. Она опасливо косится в сторону кухни и шепчет:

– Слушай, только не бесись опять. А тебя не могли коснуться? Ну, знаешь, гигишники?

Коснуться. Поработать. Проклясть.

– Чтобы я ходил во сне?

– Чтобы спрыгнул с крыши. Как будто самоубийство.

– Подобное стоит уйму денег. К тому же я все еще жив. Так что вряд ли.

Не хотелось бы распространяться, но я и сам думал о подобной возможности. Не только я – все семейство; даже тайную ночную сходку устроили по этому поводу.

– Спроси у деда.

«Раз такой умный, сам и скажи, что происходит».

Киваю и рассеянно слежу, как она убирает в сумку распечатки. Мы легонько обнимаемся. Теплое дыхание щекочет шею, мои руки у нее на талии. С Одри я бы смог стать обычным, как все. Она словно опрометчивое обещание самому себе: «Ты можешь стать нормальным парнем».

– Ну, тебе пора.

Пока я не наделал глупостей.

Проводив Одри, внимательно смотрю на деда. Он ковыряет отверткой заржавевшие конфорки и кажется совершенно спокойным. А вдруг на меня

Захаровы ополчились? Дед на них работал и, конечно, в курсе, как подобное происходит, он знает все гораздо лучше меня. Не потому ли он приехал? Меня защищать. Обессиленно прислоняюсь к раковине. К ужасу примешиваются благодарность и чувство вины.

Ночую в своей старой комнате. На потолке ветхие репродукции Магритта, на полках стоят игрушечные роботы и детективы про братьев Харди. Мне снится дождь.

Точно знаю, что сплю, но дождевые капли страшно холодные. Вода заливает глаза, мне почти ничего не видно. Прикрываю лицо ладонью и, согнувшись в три погибели, ковыляю на свет. Старый сарай позади дома. Ныряю внутрь. Нет, это, наверное, не наш сарай. Никаких инструментов и обломков мебели – только длинный коридор. Горят факелы. При ближайшем рассмотрении выясняется, что их удерживают торчащие из стены руки. Настоящие руки, не гипсовые. Вот одна поудобнее перехватила железную рукоять, и я подпрыгиваю от неожиданности. Их словно отсекли на уровне запястья и приделали к стене – виден неровный срез.

– Эгей! – кричу, совсем как тогда на крыше.

Тишина.

Озираюсь. На деревянном полу от дождя натекла лужа. Но это же сон, какой смысл возвращаться и закрывать дверь? Иду по неимоверно длинному коридору. Впереди облезлая дверь, вместо ручки – оленье копыто. Жесткие шерстинки щекочут мне ладонь.

В комнате на полу футон, как у Баррона в общежитии, а еще комод – по-моему, тот самый, что мама купила через eBay, собиралась выкрасить его ярко-зеленой краской и поставить в гостевой спальне. В ящиках старые джинсы Филипа. Сухие, надеваю одну пару – как раз. На дверце висит белая отцовская рубашка – хорошо помню дырку на рукаве, прожженную сигариллой, пахнет его кремом после бритья.

Я знаю, что сплю. Совсем не страшно, только очень уж странно. Возвращаюсь в коридор и поднимаюсь по лестнице к белой дверце. На ней висит шнурок с хрустальными капельками. Такие обычно показывают в сериалах по PBS – шнурок, чтобы слуг вызывать. На этот нанизаны блестящие подвески от старой люстры. Дергаю. Где-то, порождая эхо, звенят колокольчики. Дверца открывается.

Посреди большой серой комнаты стоят старый садовый стол и пара стульев. Наверное, я все-таки в нашем сарае – сквозь щели в досках видно, что на улице до сих пор гроза. На вышитой шелковой скатерти два серебряных подсвечника и два хрустальных бокала, две золоченые тарелки на серебряных блюдах накрыты серебряными колпаками. Из темноты выходят кошки, сотни кошек – полосатые, трехцветные, рыжие, палевые, черные. Крадутся ко мне, толкаются, чтобы подобраться поближе.

Вспрыгиваю на стул и хватаю подсвечник. Что еще, интересно знать, выкинет мое больное воображение? В комнате появляется маленькое создание в платье, лицо закрыто вуалью. У дорогих кукол обычно похожие наряды. В доме у Лилы таких была куча, ее мать запрещала их трогать, но мы все равно крали кукол у нее из-под носа. Однажды утащили одну к деду во двор. Играли, будто принцессу похитил мой рейнджер с помощью межзвездной карты из сломанного тамагочи. Крошечное платье мы тогда запачкали травой и порвали немного. Приглядываюсь и понимаю: у этого платья тоже дырка на подоле.

Вуаль сброшена. Передо мной на задних лапах стоит кошка. Она наклонила треугольную головку, вывернула шею под неестественным углом. Кошка в платье.

Не выдерживаю и громко смеюсь.

– Помоги мне, – голос грустный и тихий, похож на голос Лилы, только звучит странно. Но, может, так кошки и разговаривают?

– Ладно.

Что тут еще скажешь.

– На меня наложили проклятие. Только ты можешь его снять, – говорит белая кошка-Лила.

Остальные звери молча наблюдают. Хвосты дергаются, усы подрагивают.

– Кто тебя проклял? – я пытаюсь сдержать смех.

– Ты.

Моя улыбка превращается в гримасу. Лила мертва, а коты не ходят на двух ногах, не складывают молитвенно лапки на груди, не разговаривают.

– Только ты можешь его снять.

Смотрю на ее пасть, на клыки. У нее же губ нет, как она произносит слова?

– Подсказки повсюду. Времени мало.

Это всего лишь сон, напоминаю я себе, странный сон. Мне и раньше снились кошки.

– Ты откусила мне язык?

– Он вроде на месте.

Она смотрит не моргая. Открываю было рот, но тут в спину впиваются когти, и я вскрикиваю от боли.

И просыпаюсь. Я в кровати в своей старой комнате. В окошко барабанит дождь. Пижама насквозь промокла, как и одеяло. Руки трясутся, я обнимаю себя за плечи, чтобы унять дрожь.

Глава пятая

Утром я спускаюсь на кухню, еле волоча ноги. Дед жарит яичницу с беконом и варит кофе. Никаких колючих перчаток и тесного галстука – на мне удобные джинсы и выцветшая футболка с логотипом Веллингфорда. Хоть какие-то плюсы в том, что выкинули из школы, но к хорошему лучше не привыкать.

Когда одевался утром, обнаружил прилипший к ноге листок и сразу вспомнил, как проснулся ночью, весь промокший. Получается, снова ходил во сне. Но какой же странный сон! Вряд ли за этим стоят Захаровы – ведь ничего плохого со мной не случилось. Может, все от чувства вины? Вина зреет внутри медленно, как опухоль. Наверное, я схожу с ума и поэтому вижу по ночам Лилу. Как у Эдгара По в «Сердце-обличителе». Мы его вслух читали на уроке у мисс Нойз. Там убийца слышит, как бьется под половицами сердце жертвы, все громче и громче, и в конце не выдерживает: «Я сознаюсь!.. вот здесь, здесь!.. это стучит его мерзкое сердце!»[2 - По Э. А. Сердце-обличитель. Пер. В. Хинкиса.]

Наливаю себе кофе и добавляю молоко. Вместе с белыми молочными клубами со дна кружки поднимается сор. Надо было вымыть сначала.

– Хочу с тобой посоветоваться. Я странный сон видел.

– На тебя напали девицы-ниндзя? Грудастые такие?

– Да нет.

Сделав глоток, морщусь. Ну и крепкий же кофе дед заварил. Тот ухмыляется и запихивает в рот кусок бекона.

– Слава богу. Я уже волноваться начал, что нам приснилось одно и то же.

Закатываю глаза:

– Можешь концовку не рассказывать. Если вдруг увижу их сегодня ночью – пусть будет сюрприз.

Дед хихикает, но смех быстро переходит в сопение.

Выглядываю в окно – кошек не видно. Старик поливает яичницу кетчупом. Красная гуща растекается по тарелке.

Сколько крови… Я не помню, как ударил ее, но помню окровавленный нож в руке. Лужа крови блестит на полу.

– Так что за сон-то?

Дедушка, причмокнув, садится.

– А, ну да.

Возвращаюсь в реальность, моргаю. Мама говорила: со временем приступы страшных воспоминаний об убийстве прекратятся. Но пока они не исчезли совсем, лишь стали реже. Может, во мне еще осталась маленькая частичка порядочности, которая и не дает забыть?

– Рассказывай уже. Или тебе приглашение требуется с вензелем?

– Я был на улице под дождем. Дошел до сарая, а потом проснулся у себя в кровати, весь мокрый и в грязи. Наверняка опять ходил во сне.

– Наверняка?

– Лилу видел.

Слова приходится буквально выдавливать. Мы не обсуждаем прошлое. Вся семья тогда встала на мою защиту. Мать плакала, уткнувшись в меховой воротник, обнимала меня за плечи и говорила: «Может, ты и убийца, но малолетняя стерва наверняка это заслужила. Пусть думают что угодно, я все равно люблю моего сыночка». Под ногтями тогда намертво засела какая-то черная дрянь. Сначала пытался ее ковырять так, потом кухонным ножом. Пока кровь не пошла. Моя кровь смыла то черное.

Видимо, совесть наконец проснулась. Самое время.

Дед вздергивает бровь.

– Давай поговорим. Может, полегчает. О ней и об убийстве. Сними камень с души. Пацан, ты же знаешь: не мне тебя судить, сам не ангел.

Маму арестовали почти сразу после смерти Лилы. Не совсем из-за меня. Нам нужны были деньги, причем срочно, а она была не в форме.

– О чем говорить-то? Я знаю, что убил ее, хоть ничего и не помню. Может, мама заплатила кому-нибудь, чтобы стереть мне память? Может, думала, если забуду то чувство – больше никого не убью?

Нормальные люди не могут, стоя над окровавленным телом любимого человека, испытывать жуткую, отстраненную радость. Во мне засело что-то чудовищное, что-то мертвое.

– Забавно. Лила была мастером снов, и вот теперь я хожу во сне и вижу кошмары. Не спорю – заслужил. Я лишь хочу понять, почему сейчас.

– Съездил бы в Карни, к дяде Армену. Он все-таки мастер воспоминаний. Глядишь, помог бы.

– У дяди Армена болезнь Альцгеймера.

Он мне не дядя, вообще-то, просто приятель деда, они с детства дружат.

– Ну да. Отдача такая. Ладно, посмотрим, что твой заумный доктор скажет.

Наливаю еще кофе.

Я тогда звонил матери Лилы с телефона-автомата. Всего неделя прошла, как Баррон и Филип спрятали тело. Где – не знаю. Обещал не звонить. Дед объяснил: если Захаровы узнают, за мое преступление заплатит вся семья. Конечно, ведь кто-то же выкопал могилу, смыл кровь, не сдал меня. Они не простят. Я это понимал, но мать Лилы не шла у меня из головы. Она сидела где-то там одна и ждала, а дочь все не возвращалась. Гудок резанул по уху, и мысли

перепутались. Услышав голос, я бросил трубку, потом обошел супермаркет, и меня вывернуло.

Дед встает и снимает с крючка куртку.

– Давай-ка принимайся за ванную на втором этаже. Я за продуктами.

– Молоко не забудь.

– У меня-то как раз с памятью все в порядке.

Плитка на полу в ванной потрескалась, а кое-где выпала совсем. К стене притулился дешевый белый шкаф, набитый разнокалиберными ветхими полотенцами и желтыми пластиковыми бутылочками из-под лекарств – в каждой по две-три пилюли. Полки уставлены жестянками с порошком и банками с какой-то темной засохшей жижей.

Вычищаю из углов шелковистые комки паутины, разгоняю крошечных новорожденных пауков, выкидываю пустые липкие бутылки от шампуня. И все время думаю о Лиле.

Нам было по девять. Захаровы оказались на грани развода, и Лила с матерью приехали пожить к бабушке в Сосновые Пустоши. У Лилы растрепанные светлые волосы, один глаз голубой, а другой зеленый. Я только и знал, что ее папаша – какая-то большая шишка. Услышал от деда.

Какой может быть дочь главы преступного клана? Насквозь испорченная девчонка. И к тому же насылала кошмары касанием руки.

Лила беспощадно громила меня в видеоиграх. Угнаться за ее длинными ножищами я тоже никогда не мог, так и болтался по холмам на три шага позади. Она колотила меня, когда я воровал ее кукол. Мы целыми неделями торчали в убежище под старой ивой, рисовали на песке целые цивилизации, сметали их, словно грозные боги, при этом я никогда не знал наверняка, ненавидит она меня или нет. Жестокость была мне не в диковинку с такими-то шустрыми братцами, поэтому Лилу я боготворил.

Потом Захаровы развелись. В следующий раз я увидел ее уже в тринадцать.

Снова начинается дождь. Дед возвращается из магазина с пакетами. В основном там моющие средства, бумажные полотенца и пиво. А еще он ловушки купил.

– Это на енотов, но и для кошек сойдет. Можешь не беситься – гильотины в комплекте нет, все очень гуманно.

– Чу2дно.

Достаю их из багажника и несу в сарай. Там в темноте мерцают глаза. Ставлю первую ловушку: открываю клетку, просовываю внутрь консервную банку с кормом и взвожу затвор. За спиной кто-то мягко спрыгивает на землю. Я поворачиваюсь.

Белая кошка. Подошла совсем близко. Облизывается, демонстрируя клыки. При дневном свете хорошо видно рваное ухо и длинные багровые царапины на шее – раны явно свежие.

– Кис-кис-кис.

Идиотство, конечно, но вырвалось само собой. Открываю еще одну банку. От металлического щелчка зверь подпрыгивает. Почему я настороже? Как будто жду, что она вот-вот заговорит. Кошка, только и всего. Голодная бездомная кошка скоро попадется в ловушку.

Протягиваю руку в перчатке, она отступает. Умная животина.

– Кис-кис-кис.

Кошка медленно подходит ближе, принюхивается. Я затаил дыхание. Она трется о мою руку. Кожу щекочут усы и мягкий мех, слегка царапают острые зубы.

Ставлю корм на пол. Она принимается за еду, но шипит и выгибает спину, когда я вновь протягиваю руку. Шерсть дыбом, вскинулась, словно змея.

– Ну вот, другое дело.

И все равно умудряюсь ее погладить.

Худющая, лопатки торчат, вся в грязи. Я впускаю ее на кухню и наливаю воды в стакан для мартини.

– Зачем ты притащил сюда эту грязную тварь?

– Это же не таракан, а кошка.

Дед смотрит скептически. Он сам весь в пыли, в руках большой бумажный стакан с соломинкой. Только там не кока-кола, а бурбон.

– На что она тебе сдалась?

– Да ни на что. Не знаю. Голодная просто.

– Может, и остальных пригласишь? Небось, тоже голодные.

Я ухмыляюсь.

– По одной за раз, идет?

– Я не для того ловушки покупал.

– Знаю. Ты наверняка хотел их всех переловить, отвезти подальше, выпустить на каком-нибудь фермерском поле, а потом мы бы сидели тут и делали ставки – которая первая вернется.

Дед качает головой.

– Иди-ка убираться, умник.

– У меня врач сегодня.

– Я помню. Но ты еще вполне успеешь поработать.

Пожав плечами, отправляюсь в гостиную. Водружаю посреди комнаты картонные коробки, достаю скотч, вытаскиваю мусорный бак и принимаюсь разгребать залежи.

Кошка наблюдает. Глаза у нее светятся.

Выкидываю проспекты с рекламой амулетов, облысевшую меховую муфту, разваливающиеся книжки в бумажных обложках. Те, что выглядят сносно, ставлю обратно на полки, некоторые откладываю почитать. Следом в мусорный бак летят кожаные перчатки. Их целая корзина накопилась, некоторые слиплись между собой, наверное, из-за того что лежали рядом с батареей.

Все выкидываю и выкидываю, а хлама не убавляется. Бесконечные кучи вещей, невозможно даже понять – где уже убирался, а где нет. Десятки мятых полиэтиленовых пакетов, в одном – пара сережек и чек, в других всевозможные одежки или остатки сэндвичей. Отвертки, разные винтики и шпунтики, мой табель за пятый класс, вагоны от игрушечного поезда, пачки наклеек «оплачено», сувениры-магнитики из Огайо, три вазы с засохшими цветами и один кувшин, набитый цветами пластиковыми, картонная коробка со сломанными украшениями, древний радиоприемник, покрытый черной липкой дрянью.

Из-под пыльной сушилки выскальзывает шкатулка с фотографиями. Черно-белые, настоящий пин-ап[3 - Пин-ап – художественное направление в американской графике середины XX века, центральная тема – изображение красивой полуобнаженной девушки.]. На женщине короткие тонкие перчатки, старомодный корсет и черные трусики. Прическа как у Бетти Пейдж[4 - Американская фотомодель, получившая известность в середине 50-х.]. Она стоит на коленях и кому-то улыбается. Наверное, фотографу. На одном снимке видны его пальцы – дорогое обручальное кольцо поверх черной перчатки. Женщину я узнаю.

Мама хорошо получилась.

Как-то она предложила мне съездить полакомиться лимонадом с вишневым сиропом. Только мне одному. Именно в тот жаркий летний день раскрылся мой преступный талант. Помню, машина нагрелась от солнца, кожаные сиденья чуть жгли голые ноги. Язык покраснел от сиропа. Мы заехали на заправку, а потом развернулись – наверное, чтобы подкачать шины.

– Видишь тот дом? – мама показала на ранчо с черными ставнями. – Найди окно сзади, там лестница есть. Пролезь внутрь и возьми со стола коричневый конверт.

Наверное, я долго пялился на нее в недоумении.

– Ну, Кассель, это просто игра такая. Надо успеть как можно быстрее, я засеку время. Давай сюда лимонад.

Я понял, конечно, что никакая это не игра, но все равно помчался со всех ног, вскарабкался на водосточную трубу, пролез через окно – я же был тогда еще совсем мелкий. Как мама и сказала, на столе среди документов, линеек, ручек и кофейных чашек лежал конверт. Еще там стояла маленькая стеклянная статуэтка кошки. Когда взял ее в руки, внутри будто блеснуло что-то золотое. Кошку я сунул в карман. Кондиционер охлаждал комнату, и мокрая от пота футболка моментально высохла.

Когда я вернулся с конвертом, мама допивала мой лимонад.

– На.

Она улыбнулась. Рот у нее теперь тоже был красным.

– Молодец, зайчик.

И тут меня осенило: мама взяла меня только из-за роста. Но какая разница? Получается, от меня тоже может быть польза. Хоть я и не мастер, некоторые дела проворачиваю даже лучше них. От этой мысли по телу прошла приятная дрожь. Наверное, случился выброс адреналина. Кажется, мне было тогда лет семь, не помню точно. Еще до Лилы. Про статуэтку я никому не сказал.

Перебираю фотографии. Еще несколько, на которых дед и отец Лилы в баре в Атлантик-Сити стоят в обнимку с каким-то стариком. Не знаю его.

Протираю пол под стульями и закашливаюсь, когда поднимается облако пыли.

Падаю на диван передохнуть. За спинкой обнаруживается старый блокнот, исписанный маминым почерком. На этот раз сплошная скукота. «Установить нагреватель в саду» – нацарапано на одном листе. На другой стороне: «Купить морковь, курицу (целую), отбеливатель, спички, моторное масло». Да, это тебе не фривольные снимки. Через две страницы список адресов, один подчеркнут. Потом план – как позвонить в контору по прокату автомобилей и уговорить их бесплатно одолжить машину на неделю. Еще парочка афер. Читаю и невольно улыбаюсь: у меня ведь сегодня своя афера, может, что интересное найду.

У нас, наверное, как и в любой семье, считается, что каждый ребенок похож на кого-то из родни. К примеру, Филип пошел в деда – рано бросил школу и стал работать на Захаровых. А уже через несколько лет обзавелся ожерельем из шрамов. Он просто помешан на верности и преданности, а деньги зарабатывает, ломая другим ноги и руки. Так и вижу его лет через сорок: пенсионер в Карни, гоняет с газона детишек.

Про Баррона говорят, что он весь в маму, хотя та мастер эмоций, а он – удачи. Мать может завязать разговор или подружиться с кем угодно. Искренне верит, что мошенничество – игра. И ей нужно все время выигрывать во что бы то ни стало.

Получается, я должен был уродиться в папу, мастера удачи, но увы. На нем все в семье держалось. Пока он был жив, мама держала себя в руках. Это после его смерти она начала напропалую гоняться за миллионерами. Без перчаток. Когда очередной по уши влюбленный парень проснулся после морского круиза и недосчитался ста кусков, его адвокат позвонил в полицию. Но она по-другому не может. Просто обожает аферы.

Постоянно пытаюсь убедить себя, что я-то не такой, но на самом деле мошенничать тоже люблю.

Листаю блокнот дальше без особой цели: вдруг что-то знакомое увижу или наткнусь на забавный семейный секрет. В середине блокнота между страницами скрепкой приколот конверт, надписанный: «Чтобы не забыть». Внутри серебряный амулет памяти с выгравированной надписью «помни» и целым голубым камнем. Тяжелый, серебро местами потускнело; похоже, старая работа. Как те у Одри, против проклятий.

Амулеты появились тогда же, когда и мастера. Чтобы сделать такой, надо проклясть камень – камни впитывают магию целиком, даже отдачу. Про2клятый камень отведет заклятие того же типа. К примеру, мастерица удачи может заколдовать кусок нефрита и носить его при себе, если кто-то захочет забрать у нее удачу – нефрит расколется, а ей ничего не будет. Каждый амулет срабатывает только один раз и только для одного типа проклятий. Но все равно это защита. Золото, серебро, дерево или кожа не годятся – только камни. Кому что нравится – амулеты делают из всего, хоть из гальки или гранита. Если у меня в руках не подделка, то вся сила в голубом самоцвете. Интересно, он правда мамин или она стащила чью-то семейную реликвию? Забыть про амулет памяти – смешно. Сую его в карман.

И снова за уборку. Вот машинка для изготовления значков, какие-то пакеты, ржавый меч, три непонятно чьи сломанные куклы, опрокинутый стул (в детстве я его боялся, потому что за день до того, как Филип и Баррон его притащили, видел точно такой же по телевизору), хоккейная клюшка, куча медалей.

Уже почти двенадцать. Я наконец-то закончил уборку, руки и штаны почернели от грязи. Выкидываю пачки газет, каталогов, сто лет как просроченные счета, полиэтиленовые пакеты с вешалками и клюшку. Меч ставлю к стенке.

У крыльца скопилось порядочное количество мешков с мусором. Скоро придется на свалку ехать. Перевожу взгляд на чистенькие и аккуратные дома по соседству – подстриженные лужайки, свежевыкрашенные двери, – а потом обратно на нашу берлогу: на окнах кривые ставни, одно стекло разбито, краска облупилась, кедровые доски посерели. Дом гниет изнутри.

Оттаскиваю с дорожки проклятущий стул. Спустившийся с крыльца дед покачивает у меня перед носом ключами от машины.

– Жду к ужину.

Сжимаю их так, что металл врезается в ладонь. Бог с ним, со стулом. Твердой походкой направляюсь к машине, как будто у меня и правда прием назначен и опаздывать не дело.

Глава шестая

Доктор Черчилль принимает в Принстоне, на Вандевентер-авеню. Так, во всяком случае, написано в интернете. Припарковавшись около соседнего ресторанчика, я внимательно осматриваю себя в зеркале заднего вида, пальцами приглаживаю волосы. Похож на хорошего, правильного мальчика? Руки до сих пор грязные от черной жирной пыли, хотя я их три раза помыл, когда заезжал в магазин выпить кофе. Так и хочется их вытереть о джинсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Британская писательница, автор романов в жанрах научная фантастика, хоррор, фэнтези.

2

По Э. А. Сердце-обличитель. Пер. В. Хинкиса.

3

Пин-ап – художественное направление в американской графике середины XX века, центральная тема – изображение красивой полуобнаженной девушки.

4

Американская фотомодель, получившая известность в середине 50-х.

Купить: https://tellnovel.com/ru/holli-blek/belaya-koshka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить